

Семен Злотников

На 4-е сутки после исчезновения

Мелодрама, детектив

Д е й с т в у ю т:

<i>Нина Алексеевна Петрицкая</i>	<i>- 40 лет</i>
<i>Вера Петрицкая</i>	<i>- 17 лет</i>
<i>Бабуля</i>	<i>- 65 лет</i>
<i>Дед</i>	<i>- 83 лет</i>
<i>Следователь Мансуров</i>	<i>- 46 лет</i>
<i>Следователь Данилов</i>	<i>- 29 лет</i>
<i>Баб Лина</i>	<i>- 82 лет</i>
<i>Шура</i>	<i>- 40 лет</i>
<i>Фея</i>	<i>- 40 лет</i>
<i>Манечкин</i>	<i>- 49 лет</i>
<i>Ружьев</i>	<i>- 63 лет</i>
<i>Паршин</i>	<i>- 42 лет</i>

Ночь. Темно.

Слышно, бьется в истерике женщина.

Слышно, другой голос, девичий, как может, утешает.

Третий голос, мужской, старческий звучит скрипуче. То ли утешает, то ли проклинает. И мгновения довольно, чтобы слышать это.

П

*День. Комната в квартире. Естественно, мебель. Много техники, в стены вмонтированы автомобильные фары. Большая фотография мужчины в летной куртке. Несколько дверей, ведущих в две другие комнаты, в прихожую и на кухню. За столом **Нина Алексеевна**. Лицо бледное, глаза красные, глядит в пространство. Взгляд ее, кажется, бесконечен, как само пространство. На диване, укрытый пледом, лежит недвижимо **Дед**. Лицом к стене. Время от времени, не изменяя позы, выплескивается: «Позор-позор... Ох, позор-позор...» Появляется **Дочь**.*

Дочь. Мама, еще следователь.

***Нина Алексеевна** странно смотрит на **Дочь**, кажется, не понимает.*

Что ли, ввести?

***Нина Алексеевна** молчит, а следователь уже вошел.*

Данилов. Здравствуйте.

Нина. Здравствуйте... (*Напряженно глядит на вошедшего, пытается подняться, что, видимо, не просто для нее.*)

Данилов. Сидите, сидите!.. (*Торопится поддержать женщину.*)

Нина. Что? Что? Говорите...

Данилов. Ничего, пока нечего говорить, ничего...

Дочь. Мамуля, сиди, ну, пожалуйста, мама... (*Следователю*). Не надо ее держать, отпустите... А ты расслабься, мамуля, пожалуйста, не напрягайся, просила...

Нина. Говорите же, вы, говорите, скорее...

Данилов. Пока, собственно, не о чем говорить... (*Отходит.*)

Дочь. Не волнуйся уже, не дрожи... Да, ну, все уже, все, наконец...

Нина. Не нашли? Все еще не нашли?

Данилов. Да вы не волнуйтесь, найдем. Непременно найдем вашего мужа. Если только он есть в природе – обязательно найдем.

Нина. В природе?..

Данилов. Хотел сказать – в любом случае...

Нина. Его так долго нет...

Данилов. Четвертые сутки, Нина Алексеевна – это еще не срок... Люди, случается, пропадают – неделями, даже месяцами, а потом находятся...

Дочь. Слышишь, мамуль, что он говорит? *(Следователю.)* Я то же самое ей говорю – она мне не верит. Думает, я придумываю. Два человека одно и то же придумать не могут, верно? *(Подмигивает следователю.)*

Данилов. Конечно.

Дочь. Мамочка, слышишь?

Нина. Вчера приходил... Вера, ты с ним говорила...

Данилов. С майором Мансуровым. Мы с ним вместе по этому делу...

Нина. Он тоже говорил, что найдет мужа. Это правда?

Данилов. Он у нас в угрозыске лучший. Если сказал...

Дочь. Значит, нами занимается лучший следователь?

Данилов. И я.

Дочь. А кто из вас лучше?

Данилов*(улыбается, раскрывает папку.)* Вам повезло: очень толковый следователь...

Дед ворочается с одного бока на другой. Приподнимается на локте, прищурившись, смотрит на следователя.

Дед. Ох, позор, позор... Ох, позор, позор... *(И накрывается одеялом, с головой.)*

Данилов*(шепотом).* Что он сказал?

Дочь. Дед глухой, говорите громче.

Данилов*(Нине).* Ваш, простите, отец?

Нина. Папа.

Данилов. Это хорошо. Приятно, когда родители долго живут.

Дочь. Смотря какие.

Данилов. Любые, наверно. Родители есть родители. Мои, к сожалению... *(Находит нужную бумагу.)* Вот... Нина Алексеевна, внимательно слушайте. Где что не так – поправляйте. Петрицкий Евгений Михайлович, 41 год, образование высшее, работал на авиационном заводе ведущим инженером. Приметы: рост средний, примерно, 172-173 сантиметра, волосы светлые, рыжеватые. Глаза серые...

Дочь. Зеленые.

Данилов. Нина Алексеевна...

Нина. Серые.

Дочь. Какие же серые, мам? Настоящие зеленые. Только не сочные, а такие...

Данилов. Давайте решим: серые или зеленые?

Дочь. Зеленые.

Данилов. Может быть, серо-зеленые? Серые с зеленоватым оттенком?

Нина. Серые.

Дочь. Мам, ты упрямая, хуже меня.

Данилов. Может, спросим у бабушки?

Нина. Пусть лежит. Не трогайте папу.

Данилов. Не трону.

Звонок. Дочь устремляется в коридор.

Может, оставим пока серые? Нина Алексеевна...

Сначала доносятся голоса и шум схватки. После чего в комнату врывается Бабуля и, не медля, кидается на Нину Алексеевну, хватается за первые попавшиеся под руки части одежды и тела, и трясет со всей возможной яростью.

Бабуля. Где мой сын? Подлая, подлая, отвечай, где мой сын? Куда ты его подевала? Отвечай, или я тебя уничтожу и все вокруг!..

Дочь*(торопится на помощь маме)*. Бабуля, отпусти маму!

Бабуля*(визжит, будто ее режут)*. Не отпущу, пока не отдадите моего сына!

Дочь. НЕ знает она, где твой сын, отпусти! *(Пытается оттащить.)*

Бабуля. Не-ет! Не-ет!..

Наконец, **Дочери** с большим трудом удается-таки оттащить разъяренную старуху от матери; то ли она ее ущипнула, или щекотнула, а **Бабуля** хохотнула. Наконец, **Дочери** удается втиснуть **Бабулю** в кресло.

Дочь. Сиди здесь, говорю я, сиди!

Бабуля(все силится вырваться). Нет-нет-нет-нет-нет...

Дочь. А я говорю... Я сиди, говорю!..

Бабуля(вдруг мякнет). Боже мой, пить... Воды, Боже мой...

Дочь торопится на кухню за водой, а Бабуля фатально твердит.

Воды мне, воды... Я умру без воды... Я уже умираю, уже умерла...

Следователь Данилов явно растерян, и хотел бы помочь, только – как?..

Дочь(возвращается). Бабуля, держи... Осторожно!.. Платье, не пролей!..

Бабуля меж тем набирает в щеки с полстакана воды и с напором брызжет в Нину Алексеевну. Дочь мгновенно выхватывает у нее стакан и выплескивает остатки воды ей же в лицо. Бабуля подскакивает и, смешно подпрыгивая, отряхивается. Желтые янтарные бусы на ее шее погремушечно позвякивают.

Бабуля. Маленькая мерзавка, что ты со мною... маленькая мерзавка... (Следователю.) Только посмотрите, что она натворила!

Дочь. Посмотрите!

Бабуля(плачет). Вы видели? Видели?

Дочь. Видели?

Бабуля. Мерзавка, как с бабушкой... У тебя одна бабушка, как тебе не стыдно? Я столько для тебя сделала в жизни, а ты... Ах, нет совести у тебя, маленькая, маленькая...

(Следователю.) У вас тоже такие внуки?

Дочь. Таких у него нет.

Бабуля. У всех внуки, как внуки, только у меня... Во что ты меня превратила, я же не могу жить мокрая...

Дочь. А ты маму во что?

Бабуля. Я не попала.

Дочь. А если бы попала?

Бабуля*(визжит)*. Так ей и надо! За все, за все, за все...

(Следователю.) Что вы тут делаете?

Дочь. Успокойся.

Бабуля. Почему вы мотаете головой? Вы нервный?

Дочь. Он не нервный, Бабуля, он нормальный, в отличие от тебя, пожалуйста, сядь, я тебе объясню, почему он мотает!

Бабуля. Я вас раньше не видела, кто вы такой? Что вы тут делаете?

Дочь. Сядь же, садись, наконец! *(Вторично с трудом усаживает Бабулю.)*

Бабуля*(впрочем, тут же подскакивает)*. Нет, на каком основании?

Дочь. Я иду за водой! Ты меня знаешь! Принесу ведро!

Бабуля. Не надо! *(Мгновенно стихает и садится.)*

Дочь. Успокоилась?

Бабуля. Плохо ты меня знаешь. Я не успокоюсь, пока вы не отдадите мне моего сына.

Дочь. А мы его прячем. Ты думаешь, мы его прячем от тебя?

Бабуля. Знать ничего не желаю, отдайте мне его!

Дочь. Послушай, бабуля...

Бабуля. Ничего не желаю слышать – отдайте!..

Дочь. Если ты мне не веришь, внучке своей единственной – вот следователь.

Бабуля. Где?

Дочь. Можешь у него спросить.

Данилов. Зоя Власовна, я так понял, вы – мама.

Бабуля. Я – мать!

Данилов. Вы извините, что я как бы сразу не представился...

Бабуля*(не медля, кидается в ноги лейтенанту)*. Миленький, спасите моего сына, я вас озолочу!

И Дочь, и следователь, естественно, делают все, чтобы поднять с пола старую... нет, пожалуй, не старую, а пожилую... точнее сказать, очень еще энергичную женщину.

Что хотите, хотите!.. Лучший человек на свете!.. Не жалко, отдам!.. Все продам! украду! вы найдите его, вы найдите!..

*Дочь и следователь в буквальном смысле этого слова вносят **Бабулю** в кресло.*

Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет... Нет-нет-нет-нет-нет-нет...

*На руках же, силком переносят **Бабулю** в другую комнату.*

***Дочь** выталкивает следователя наружу и спешно захлопывает дверь, и быстренько запирает на замок. С той стороны доносятся **Бабулины** вопли.*

***Данилов** прислушивается.*

Дед(приподнимается). Ох, позор, позор... (Садится, смотрит на следователя.) Какой позор... Как людям после этого в глаза смотреть.

Данилов. Здравствуйте.

Дед. Позор.

Нина. Папа, не надо.

Дед. Ай-ай... Зачем я за него дочь отдал? Непорядочный человек. Очень непорядочный...

Нина. Папа, к нам пришел следователь.

Дед. Он не думал о семье – поэтому так вышло. Он думал только о себе, ай-ай... Непорядочный человек, очень непорядочный...

Нина. Папа, ты слышишь меня: к нам пришел следователь.

Дед. Все порядочные люди умирают и их хоронят. А этот жил, как дурак, и кончил тоже... (Встает; он в нижнем белье; цепляясь руками за мебель, за стены, перебирается в другую комнату.) Ох, какой позор, позор... (Скрывается.)

Тишина.

Данилов. Переживает дедушка.

*Несутся **Бабулины** вопли: «**Пусти меня, я хочу все рассказать!**» И крик **Дочери**: «**Потом расскажешь!**»*

Данилов(возвращается к бумагам). Продолжим, пожалуй? Нина Алексеевна... Давайте, пожалуйста, мне... особые приметы... его...

Нина Алексеевна вопросительно смотрит на Данилова.

Какие-то дефекты... может быть, шрамы от порезов или шишечки от ушибов...

Тишина.

Такого – ничего не было?

Нина. Шрам... был на ноге...

Данилов. Хорошо, на ноге, был... Где?

Нина. На ноге.

Данилов. Я понимаю, что на ноге. Меня интересует, в каком месте на ноге?

Нина. Тут, кажется... *(Показывает.)* Он прыгал с парашютом и неудачно приземлился.

Данилов. Понятно. *(Записывает.)* Вы учительницей работаете?

Нина. Да.

Данилов. В начальных классах?

Нина. Да.

Данилов. Вы так специфически произнесли: «с парашютом» - я сразу вспомнил свою школьную учительницу Раису Павловну. До сих пор помню имя... Скажите, а давно? Я имею в виду – шрам старый?

Нина. Лет... сколько-то...

Данилов. Понятно. *(Записывает.)* Еще шрамы были?

Нина. Боже мой, как ужасно: все о нем говорят в прошедшем времени... даже я...

Данилов. О живых – прислушайтесь как-нибудь – тоже почти всегда так говорят: у него было то-то, то-то. А того-то и того-то не было. В общем... пожалуйста, можем говорить в настоящем времени...

Нина. Да.

Данилов. Еще шрамы, пожалуйста.

Нина. Тут... *(Показывает на пальце.)*

Данилов. Правая рука?

Нина. Левая.

Данилов*(улыбается).* Вы показали правую... *(Записывает.)* Зубы, скажите... у него были зубы?

Нина Алексеевна вопросительно смотрит на следователя.

То есть, хотел спросить – есть золотые... или, скажем, металлические?

Нина Алексеевна молчит.

Это очень важно.

Появляется Дед. На нем старый плащ и, выдавшая виды, шляпа.

Дед. Все, как люди... (*Уходит из дому.*)

Данилов. Он у вас еще сам передвигается. Молодец. Нина Алексеевна, пожалуйста... (*Протягивает листок.*) Челюстная диаграмма. Отметьте, где у него не доставало. Вы говорили, ему вырывали. Карандашом, вот...

Нина Алексеевна разглядывает диаграмму.

Просто помечайте. Если с левой стороны не было зубов – подчеркните слева, если с правой – справа.

Звонят. Нина Алексеевна вздрагивает. Еще звонят. Она порывается встать, но, видимо, силы изменяют ей, со стоном оседает.

Данилов. Я открою, пожалуйста, не беспокойтесь.

Нина. Пожалуйста... что-то с ногами...

Из комнаты выскакивает Дочь, захлопывает за собой дверь, изо всех сил удерживает за ручку.

Дочь(*следователю*). Я ключ не успела с той стороны...

Звонят.

Держите-держите, а я отворю!.. За ручку держите!.. (*Уносится в прихожую.*)

Следователь старательно удерживает оборону. Внезапным рывком дверь распахивается и его, как фантастическим пылесосом, всасывает внутрь. Сама себя вызволившая из плена, Бабуля торопится в прихожую следом за внучкой.

Дочь (слышно, кричит из прихожей). Мамуля! Мамуля, скорее, ко мне!

*Тут и следователь устремляется в прихожую, и **Нина Алексеевна** находит в себе силы...*

Скорее, мамочка!..

Ш

*Завод. Кабинет начальника цеха. **Манечкин** стоит, обхватив голову обеими руками. Появляется **Паршин**.*

Паршин. Мирон Петрович, следователь.

Манечкин. Давай. (И сам быстро выходит навстречу **Мансурову**.)
Ждем. Все дела, можно сказать, побросали. (**Паршину**.) Закрой дверь. (**Следователю**.) Рад. Манечкин. Мирон Петрович.
Начальник цеха.

Мансуров. Мансуров. Старший инспектор уголовного розыска.

Манечкин. В чине?

Мансуров. Майор. Мансуров.

Манечкин. Так, значит, майор: пропал в четверг наш дорогой соратник Женя Петрицкий.

Паршин. Евгений Михайлович.

Манечкин. После трех часов четверга ни в цеху, ни на заводе его никто не видел. Пятница, суббота, воскресенье – четвертые сутки пошли.

Паршин. Почти кончаются.

Манечкин. Что кончаются?

Паршин. Сутки. Я говорю: сутки почти кончаются.

Манечкин. Слушай, я тебя вызвал, чтобы ты мне помогал, а не встречал. (**Мансурову**.) Рекомендую: руководитель отдела покойного Паршин Геннадий Георгиевич.

Мансуров. Какого отдела?

Манечкин. Ну, где покойник работал. В его отделе, говорю, наш покойник работал.

Мансуров. Почему покойник?

Манечкин. Четвертые сутки... уже разлагается, может. (Паршину.) Что, верно?

Паршин пожимает плечами.

Мансуров. Вы так уверенно говорите...

Манечкин. Мы же мужчины, майор. Что, не так? Можем говорить открыто, не подбирать выражения? Или надо подбирать? С женой его я бы, конечно, не так говорил. Я бы надеялся. Тут... Живой или мертвый... Черт его знает, лучше, конечно, если живой.

Мансуров. Лучше для кого?

Манечкин. Ни для кого. Просто говорю – живой лучше, чем мертвый.

Паршин. Мирон Петрович хотел сказать – и для него, то есть, Петрицкого, ну, и для нас... Я, лично, с ним вместе в институте... Вместе сюда на завод... Восемнадцать лет тут уже... Понимаете, трудно такое...

Мансуров. Понимаю: вы любили его.

Паршин. Ну, в общем... О любви мы с ним, конечно не говорили, но... когда люди столько лет вместе – сами понимаете...

Мансуров(Паршину). Может быть, он с вами, как с близким ему человеком, делился мыслями, настроениями... Жить надоело, к примеру...

Паршин. Нет... не делился. Я сколько знал его, он ни с кем так...

Манечкин. Все было путем у него, майор: работа, семья, жизнь... Чего еще надо?

Мансуров. У вас можно курить?

Манечкин. А что у вас?

Мансуров. Наши, отечественные.

Манечкин. Давайте. Бросил, но тут... А черт с ними, с врачами, и Бог с ним, со здоровьем этим, и вообще, мне по шее надо, если у меня люди из цеха пропадают, верно?

(Угощается сигаретой.) А слушай, майор, в войну люди пропадают, не так обидно, верно?

Паршин. Да.

Мансуров. Обидно.

Манечкин. Ну, не так, все же война. А когда мир кругом и живи не хочу... Петрицкий, хороший мужик... Умница, понимаешь, эрудит, рационализатор... (*Паршину.*) Сколько у него этих самых изобретений?

Паршин. Не помню.

Манечкин. Миллион! Я личное дело для вас приготовил... Гляди, сорок три! Сорок три этих самых!.. (*Сует Паршину папку под нос.*) Фирме, государству, понимаешь, миллионы рублей экономии! Не помнит, говорит!..

Мансуров. Можно?

Манечкин. Да можно, конечно! (*Передает папку Мансурову.*) Потом: что он у нас еще делал?

Паршин. Как все... работал.

Манечкин. Это ты брось – как все. Он не все, и ты мне про всех!..

Паршин. Мирон Петрович, у следователя может создаться впечатление... Нормальный инженер, нормальный человек.

Манечкин. Нет, не нормальный. Таких больше нет!

Паршин. Вы как будто речь на торжественной панихиде произносите.

Манечкин. Я и произнесу! И так еще произнесу – завидовать будешь, что не ты в гробу лежишь. (*Мансурову.*) Что, познакомились?

Мансуров. Еще план территории. Вы обещали. По телефону.

Манечкин(*подает следователю план территории.*) Да мы сами тут шарили тоже... Еще в пятницу, как хватились. Кепку-то его на вешалке обнаружили. Потом еще оказалось, пропуск свой в конце дня не закрыл. Вроде, как бы и не уходил человек с работы. Тоже, решили, что, может он где на территории застрял. О том, конечно, что вы говорите, мол, это... честно скажу, не подумали... Чего морщишься, Паршин? Или ты думал?

Паршин. Виски заломило. Не обращайтесь...

Мансуров. А вы когда хватились, что его нет?

Манечкин. Я же сказал, в пятницу. В пятницу к вам и заявили.

Мансуров. Вы заявили поздно вечером. А меня интересует: хватились когда?

Манечкин(*Паршину*). Ты помнишь время?

Паршин. Где-то так...

Манечкин, Я тоже помню: что-то около такого...

Мансуров. Во второй половине дня.

Манечкин(*Паршину*). Почему во второй?.. Во второй?

Мансуров. В пятницу утром у вас было совещание. До обеда.

Манечкин. Кто вам сказал?

Мансуров. Жена Петрицкого утром звонила вам из проходной. Хотела сообщить, что муж с работы не возвращался. Но вы на нее накричали. Сказали, что у вас совещание, что у вас на шее 600 человек народу и что за всякими бегать не собираетесь.

Манечкин(*вздыхает*). Да... верно... Я из-за это крика, дорогой товарищ, три ночи не сплю. И я тебе честно скажу: еще три спать не буду. Так я себе простить не могу. Совещание, черт его дери... (*Паршину.*) Только, я понимаешь, на этого паразита Лелюкова разорался, как в этот же момент она под меня подвернулась... Сам понимаешь, такого не ждешь...

(*Мансурову.*) Вот я тебе скажу, майор, а ты меня пойми: производство. И даже я больше тебе не скажу – ты должен понять. Хоть мы тут все пропадем – а дело должно у нас делаться. Я тут для этого дела себя не жалею и... никого. В семь утра – спроси у любого – я уже на этом стуле, за этим столом, и к полуночи только домой попадаю. Жену, понимаешь, погладить некогда. Она ко мне пристает, а я ей все обещаю: в следующем квартале. И так каждый квартал.

Мансуров(*Паршину*). Вам жена Петрицкого звонила до совещания. Часов за десять до. Еще в четверг, поздно вечером, домой.

Паршин. Я вас хочу сразу предупредить: Нина меня не любит и будет меня чернить в ваших глазах... Знаете, как бывает: надо найти виноватого.

Мансуров. Она вас не чернила. Только сказала, что мужа хватилась поздно вечером, около полуночи. Обычно он возвращался домой до полуночи.

Манечкин. Верно, бывает, авралим.

Мансуров. Говорю только то, что мне сказали.

Манечкин. Вот и я говорю.

Паршин. Вот и я хочу уточнить: Нина мне позвонила не вечером, как она вам сказала, а ночью. Глубокой. У меня перед глазами будильник, я еще специально проверил – во втором часу.

Мансуров. И вы попросили ее не морочить вам голову и не мешать спать.

Паршин. Не разобрал я спросонья, кто говорит... Подумал, ошиблись номером...

Манечкин. Мог бы проснуться ради такого случая.

Паршин. Мирон Петрович, разве такое ожидаешь?

Манечкин. Ожидаешь, не ожидаешь – всегда надо ожидать. А теперь мы из-за тебя выглядим перед супругой, как бегемоты. А утром чего ты не доложил? Утром-то ты не спал?

Паршин. Закрутился.

Манечкин. Такое ты знал – и ты закрутился?

Мансуров. Мирон Петрович...

Манечкин. Как ты мог закрутиться, не понимаю?

Мансуров. Мирон Петрович, послушайте...

Манечкин. Ну, ты даешь, Геннадий!

Мансуров. Мирон Петрович, вы меня слышите?

Манечкин. Не слышу! Глухой стал! Ничего не слышу! Я вас слушаю!

Мансуров. Есть версия – он на заводе. Следы ведут на завод.

Манечкин. Какие следы?

Мансуров. Точнее, отсутствие следов.

Манечкин. Не понимаю: если они отсутствуют – как они могут вести?

Мансуров. Город мы, в общем, проверили. И больницы, даже психиатрические.

Манечкин. Это такой нормальный парень, зачем же психиатрические?..

Мансуров. Вытрезвители, морги, дорожные службы... Вы уверены, что он покинул территорию завода?

Манечкин. Мы же искали, я вам говорил. Ты как думаешь?

Паршин. Не знаю.

Манечкин. Не знает любой дурак. Что ты думаешь, скажи?

Паршин. Думаю, как вы, но не знаю.

Мансуров. Покажите на карте, где вы искали.

Манечкин(*склоняется над картой*). Значит, так: это аэродром. Бетонка. Он под бетон – ну, ты понимаешь... Тут склады с горючим, там все под замками... Тут слева канава метров в длину 800-900... Потом она в трубу уходит.

Мансуров. Глубокая?

Манечкин. Где по грудь, где до пуза. Но грязная, илистая... Два моих орла ее по дну проползли от – и до. Думаю, он не там. В смысле, на дне... Где еще? Тут? Тут трава и кустарник. Я лично там не был. (*Паршину.*) Ты был, вроде?

Паршин. Не я был, Ружьев. Только там его тоже нет.

Манечкин. Если сам не был – никогда не говори. Не ручайся ни за кого. Сколько раз я просил. (*Склоняется над картой*). Тут что за крестики?

Паршин. Канализационные люки.

Манечкин. Именно, люки...

Мансуров. Каждый крестик – люк?

Манечкин. Да не мог же он в люки – вонючие...

Мансуров. У него могли быть враги. К примеру.

Манечкин. У Евгения это – враги?..

Мансуров. Путь один: все проверить.

Манечкин. Мне и в голову не приходило...

Мансуров. Тогда не будем терять время.

Манечкин. Верно, верно, не будем. Геннадий Георгиевич, тоже ищи. Все бросай и ищи.

Мансуров. Можно подключить того товарища, вы говорили... который все знает?

Манечкин. Обязательно. И того тоже. Всех, кого надо. (*Паршину.*) Ружьева подключи. Если еще нужны люди – еще берите. Геннадий Георгиевич, машину там, если надо, скажи, что я приказал. (*Провожает следователя и Паршина. Возвращается.*) Люки, блин... Люки, понимаешь...

1У

Квартира Петрицких. Гремит и мелькает цветомузыка. Следователь Данилов с поцарапанным в кровь лицом о чем-то кричит и всеми силами удерживает дверь, ведущую в прихожую. Слов, впрочем, не разобрать. Дочь стоит посреди жилища, обхватив руками голову. Из спальни появляется Шура со шприцем. Оглушенная музыкой, машет руками и что-то кричит, слов, опять же, не разобрать. Дочь, наконец, вырубает содом. Теперь слышно, трезвонят в квартиру.

Шура. В чем дело, Веруня? Что за конец света? Как можно?..

Дочь. Я уже музыку врубила – не помогает! Вот, слышите, тетя Шура?

В самом деле, звонок входной двери трезвонит без перерыва.

Шура(Данилову). Вы же из полиции, сделайте что-нибудь?

Дочь. Он из полиции – смотрите, как она его поцарапала.

Данилов(разводит руками). Со стихией бороться...

Дочь. А рубашка у него – посмотрите, тетя Шур...

И в самом деле, рукав от рубашки у следователя держится на честном слове.

Шура. Какие мы все беспомощные... (Скрывается в спальне.)

Трезвон внезапно смолкает. Дочь и следователь прислушиваются.

Данилов. Ушла?

Дочь. Никогда.

Данилов(смотрит на часы). Тогда что?

Дочь. А увидим.

Ждут.

Данилов. Никак чего-то задумала.

Дочь. Да. За бабулей не заржавеет.

Ждут.

Данилов. Тетя Шура – врач?

Дочь. Еще какая! На «скорой помощи». Любит мамулю. Боится за нее.

Данилов. Понятно. Врач – какой.

Дочь. Что?

Данилов. Врач, надо говорить, какой.

Дочь. Да? А вы меня жить не учите. Между прочим.

Данилов. Я не учу, это так...

Дочь. У всех как будто зудит: меня все учат. У всех, кроме папы. Один он терпел и не уподоблялся. Я даже к нему приставала, чтобы поучил. Пап, говорила я, что же ты не как все. Поучи меня, что ли, и ты.

Данилов. А он?

Дочь. Когда приставала – тогда ему уже деваться было некуда.

Данилов. Умный, наверно...

Дочь. Смертельно! Умнее всех наших знакомых: и дяди Сени, и дяди Бори, и дяди Саши, и дяди Гриши, и дяди Саши другого...

Следователь, меж тем, торопливо записывает в блокнот.

Ну, правда, он свой ум никогда не показывал. Поэтому, когда гости собирались, он выглядел, что ли, поглупее. Потому что всегда молчал. Те – ля-ля-ля, а он – ни гу-гу. Всех слушал, короче, А кто говорил – те себе казались умнее. Но он-то в сто раз умнее, я знаю. Просто он не зануда.

Данилов. Понятно. А все остальные...

Дочь. Зануды.

Данилов. А тетя Шура?

Дочь. А что тетя Шура?

Данилов. Не зануда? Не учит тебя жить?

Дочь. Теть Шура? Теть Шура сама не умеет. У нее – только я вам по секрету – до сих пор не было мужа.

Данилов. Совсем?

Дочь. Никогда.

Данилов. И детей нет?

Дочь. Я же ясно сказала: мужа не было.

Следователь. Ну, это... Странно, на мой взгляд, она даже симпатичная.

Дочь. Вот и женитесь на ней.

Данилов улыбается: мол, просто сказать!..

Только предупреждаю, у нее характер дурной. Чересчур крутой. Не понятно? Любит, чтобы все было, как она сказала. Независимый, что ли. Понятно? Она говорит, брак – насилие над личностью. Кто кого победит. Как на войне. Умному, говорит, подчиняться еще не так обидно. Хотя и обидно. Но дураку... Между прочим, я тоже не люблю дураков.

Данилов. Тоже замуж не выйдешь?

Дочь. Выйду обязательно. Назло всем выйду. Во мне женское начало очень сильно. Что улыбаетесь? Не верите?

Данилов. Верю, интересно...

Дочь. Разве это плохо – иметь свою семью?

Данилов. Хорошо, хорошо!

Дочь. А чего вы тогда смеетесь, я вас не понимаю?

Данилов. Все в порядке, Вера... Не обращай на меня... Я в этих делах сам дурак... Честно-честно...

Дочь. И не женаты?

Данилов. Послушай, давай-ка, делом займемся. У папы были друзья, ты их тут называла: дядя Сеня, дядя Боря, дядя Саша, дядя Гриша, еще дядя Саша... Он действительно с ними дружил?

Дочь. И детей у вас нет?

Данилов. Дети есть. Есть, успокойся. Лучше расскажи, с кем он был в близких отношениях.

Дочь. Со всеми.

Данилов. Ты шутишь.

Дочь. А много детей?

Данилов. Двое.

Дочь(*тяжело вздыхает*). Бедные детки...

Данилов. Почему бедные? Они не бедные.

Дочь. Папа дружил – с кем мама дружила.

Данилов. Ты уверена? Может быть, ты чего-то не знаешь?

Дочь. Знаю.

Данилов. Что ты знаешь?

Дочь. Все. Не сошлись характерами?

Данилов. Послушай, может быть, у него был какой-нибудь очень личный друг...

Дочь. Женщин у папы не было. У папы была мама.

Данилов. Но так не бывает. Ты можешь чего-то не знать.

Дочь. Перестаньте вы мне... Никого, я сказала вам, не было. С утра и до вечера на заводе, с вечера до утра в своей постели. Не подкопаешься. И так всю жизнь: завод-дом, дом завод. Когда?

Появляется Шура со шприцем.

Шура. Выкинь, Веруня...

Дочь. Хорошо, тетя Шур.

Шура возвращается в спальню.

Мы с мамой, если хотите знать, иногда даже смеялись, что у него нет друзей. Мама говорила, это потому, что у него нет своей личной жизни. Ему с людьми делиться нечем. Дружья же, они для чего – с ними делиться надо. А ему некогда было, он работал. (*Уходит на кухню.*)

Следователь быстро что-то записывает в блокнот. Подходит к двери в прихожую и прислушивается. Возвращается Дочь.

Данилов. Тихо как будто... Может, все же ушла?

Дочь. Бабуля не сдастся. Никогда.

Доносится грохот, Дочь устремляется в спальню. И снова трезвонит звонок. Не сплошным, впрочем, звоном, а прерывистым. Возвращается Дочь.

Дочь(*стиснув кулачки*). Я бы эту бабулю!.. Всегда-то мамулю до приступа доводит!.. У нее у самой муж пропал, ей самой очень плохо, а эта старуха из-за своего сыночка устраивает ей такие сцены!..

Данилов. Вера, постой, не так быстро: из-за своего сыночка – это из-за твоего отца?

Дочь. Да что общего у моего отца с ее сыночком?

Данилов. Он тебе не отец?

Дочь. Мне он отец! Только мне он отец – как отец, а не как ее сыночек, понятно? Она-то, конечно, его родила, а он родил меня, но это ничего не значит. Если он ее сын – тогда мне он не отец. Тогда мне от него ничего не надо, с ней пускай и живет. А если он мне отец... У моего отца с еёшным сыном только оболочка общая – и все. И не дай Бог он был бы другим – я бы его!.. Лучше вообще без отца, чем с таким!..

Появляется Шура.

Шура. Я вас очень прошу: уйдите куда-нибудь. Я никак не могу ее усыпить. У нее от снотворного глаза слипаются, но из-за вас...

Дочь. Теть Шура, куда? Там бабуля.

Шура. Она же из-за вас трезвонит.

Дочь. А мы виноваты?

Данилов. А если выключить свет?

Дочь. Да? Думаете, поможет?

Данилов. Звенеть не будет.

Дочь. Она вам такое устроит – весь город сбежится.

Данилов. Сколько еще так способна звонить?

Дочь. Час, два, три... Месяц, год, пять, десять... Сколько проживет еще – столько и сможет.

Данилов. Я столько не проживу. Какой тут у вас этаж? Пятый?

Дочь. Шестой.

Данилов. Был бы второй – я бы выпрыгнул...

Шура, меж тем, заглядывает в спальню, тихонько прикрывает дверь.

Дочь. Уснула?

Шура. Не знаю. Глаза закрыты.

Дочь. Хоть бы уснула! Три ночи не спит. Я все время с нею, она сама боится. Первое время молчала. Вздыхала... В потолок глядела. Ночью сегодня истерику закатила...

Шура. Надо было снотворного...

Между тем, в дверь звонят. Два-три звонка – пауза.

Данилов. Простите, Шура...

Шура удивленно смотрит на следователя.

Я хотел сказать, Александра... Или – как можно вас называть, если понадобится?

Дочь. Вам бы вот здесь зеленкой помазать. У нее ногти грязные...

Данилов. Где же мне взять зеленку?

Дочь. Здрасти, я вам дам. Зеленки не жалко.

Шура. Вера, в комнату к маме не ходи!

Дочь. Я не к маме... (*Уходит на кухню.*)

Шура и следователь молчат.

Шура. Александра Григорьевна.

Данилов(*записывает*). А фамилия?

Шура. Спицына.

Данилов(*шепотом*). Как жили супруги? Ваше мнение, как подруги жены, и вообще...

Дочь(*входит*). Они жили просто замечательно! (*Смачивает ваткой зеленку.*) Как голубь с голубкой, как рыба с рыбкой, давайте вашу царапину... (*Прижигает царапину.*) Как тигр с тигрой, как она вас поцарапала!

Данилов. Ты хочешь сказать, мама с папой жили, как птицы, как звери, как рыбы...

Дочь. И как насекомые.

Шура. Запишите, пожалуйста, и мои показания. Как близкого друга семьи. Они жили хорошо.

Данилов. Щиплет, однако...

Дочь. Пишите-пишите. Пощиплет – перестанет. Теть Шура сказала, чтобы вы писали – вы и пишите.

Данилов. Ну, хорошо... Как хорошо? Что значит хорошо? Сегодня, к примеру, хорошо, завтра уже не так хорошо, послезавтра – еще хуже... Вы взрослый человек, вы меня понимаете.

Шура. Не понимаю. Если вам говорят, хорошо – значит, хорошо. Почему надо перевернуть? Я в конце концов, отвечаю за свои слова.

Дочь. Теть Шур, я знаю, что его интересует: лаялись они или нет, папка бил маму или мама его...

Данилов. Ты все шутишь.

Шура. Никто никого не бил. Я могу... Почему вы не записываете?

Данилов. Что вы можете?

Шура. Я могу поклясться, если надо: никто ни на кого не лаял.

Данилов. Не я произнес это слово.

Шура. К этой семье такие слова вообще не подходят. Это честная, порядочная, хорошая семья. Отношения у них были добрые, хорошие... они любили друг друга.

Дочь. Да, вы не думайте, семейка у нас что надо!

Шура. Вы записывайте.

Данилов. Я запишу.

Шура. Вы сейчас записывайте, при мне.

Данилов. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь... Верочка, можно тебя попросить? Оставь нас на одну минуту...

Дочь. Одних? Теть Шур, он сказал, что вы симпатичная.

Шура. Какая глупость.

Дочь. А он разведен, и у него двое детей.

Данилов. Вера, мы так не договаривались.

Дочь. А что, неправда? (*Уходя.*) Вообще-то ни у кого в этом доме секретов нет.

Данилов. Мм... тетя Шура... Простите меня, Александра Григорьевна, я понимаю: любовь, дружба – все это хорошо, но... Но как бы... в общем...

Шура. Вы спрашивайте конкретно, чего хотите.

Данилов. Не могло быть другой женщины?

Шура(растерянно). Что?.. Даже не спрашивайте у меня о таких вещах, это мерзко. Я даже не хочу слушать про это. (*Резко встает.*) Я даже сейчас уйду, мне неприятно.

Дочь(входит). Я же, кажется, вам говорила, что кроме нас с мамой у папки никого не было. Я и мама – все его женщины.

Данилов. Он мог скрывать. Каждый человек что-то скрывает.

Дочь. Папка? От меня? Такое? Скрыть? Да я бы его – он бы только захотел мамуле рога наставить – я бы его тут же и

отравила. Или еще что-нибудь. Я не знаю, сейчас сразу в голову мне не приходит.

Шура. Вера, не смей так говорить.

Дочь. Теть Шур, за такие дела – как вы думаете – надо стрелять.

Шура. Ты еще маленькая судить. И вообще о таких делах...

Дочь. Как мне это надоело – маленькая, маленькая!..

Данилов. Если мне память не изменяет, рога растут у мужчин, у женщин что-то другое. (*Шуре.*) Вы случайно не помните, как это называется у женщин?

Шура. Глупостью. (*Быстро уходит в спальню.*)

Внезапно доносится крик: «Помогите!» Дочь и следователь торопятся к окну и с огромным усилием втаскивают в комнату Бабулю.

Бабуля(трагически). Ой, мне дурно, мне дурно...

Ее усаживают в кресло.

Ой, держите, мне дурно, я падаю...

Появляется Нина Алексеевна. Шура поддерживает ее под руки.

Шура. Нина, я тебя умоляю, вернись в постель, тебе нельзя...

Данилов(уже перегибался и выглядывал в окно, растерянно смотрит на Бабулю). Отвесная стена...

Бабуля. Я чуть не разбилась... Боже мой, как теперь строят, не за что ухватиться... Ох, как у меня кружится голова, как мне дурно, помогите мне...

А звонки, между тем, и не прекращались.

Нина. Вера, звонят.

Дочь. Ой!.. (*Скрывается в прихожей.*)

У

Завод. Канализационный люк, из которого наружу выбирается Ружьев.

Ружьев(кому-то внизу). Ты бы слышал, майор, как в тот день его Манечкин шурил!.. При людях – как пацана!.. Пиши, кричал он ему, по собственному желанию!.. Давай руку! Ну, руку, давай, говорю!..

Из люка наверх вылезает Мансуров. Сам, без поддержки.

Чего ты от помощи отказываешься? Брезгуешь, что ли?

Мансуров. Руки грязные.

Ружьев. Да? У кого они чистые?

Мансуров. Не понимаю чего-то: ведущий инженер, изобретатель – разве таких увольняют?

Ружьев. Манечкин маму родную уволит, не пожалеет. Она, например, ему скажет: Мирон Петрович, я вас вчера родила, но вы извините, сегодня, боюсь, родить не получится. А он ей на это: вчера – это было вчера, и сегодня вас, мать вы не мать, ничего не спасет. Потому что у нас, дорогая вы мать, производство тут, а не богадельня.

Мансуров. Петрицкий вообще справлялся с работой?

Ружьев. Всегда управлялся, как помню. В последнее время с ним что-то... ходил, как опущенный в воду... Новые машины пришли. Их облетывать надо, а он... Чего-то заело, короче, у него. Да мало ли что, человек не железо?.. Это Манечкин думает, что из железа.

Мансуров. Хотите сказать, Петрицкий мог покончить с собой из-за неприятностей с начальством, к примеру, работы, которая не клеилась?

Ружьев. Не знаю, майор, что сказать. Лично я бы не стал... Столько других причин... Машенька, внученька, замуж выходит. Ей 18, ему – 64! На год меня старше! У него уже внуки свои, а она... Люблю, говорит, не могу и ее не удержишь. Тут по мне – лучше в петлю!.. (Молчит.) Мы же ничего не знаем, майор. Про себя ничего-то не знаем... (Молчит.) Вот задача: ходит возле тебя человек... всем понятный как будто... а потом пропадает и ты думаешь: что за человек был такой?.. (Молчит.) Но кто его доставал по-настоящему это не Манечкин – а Паршин. Если Манечкин – сука, то Паршин – на все три потянет. Я иногда представляю: был бы я, например, трактористом и Паршин, к примеру, мне

бы попался под гусеницы. Я бы, поверишь, на самой бы маленькой скорости через него переехал.

Мансуров(с улыбкой). Говорят, будто Паршин с Петрицким едва не подрались?

Ружьев. Это кто говорит?

Мансуров. Да сказали...

Ружьев. Ну, кто? Я тут всех знаю, мне интересно, кто продает?

Мансуров. Почему продает? Разве это секрет?

Ружьев. Не секрет. Но ты только пришел – уже знаешь. Тебе, значит, стукнули. Кто?

Тишина.

Мансуров. А что, если бы их не разняли.... поколотил бы он Паршина?

Ружьев. Жалко, разняли. Жалко, что не поколотил. Мог бы, конечно. Крепенький был...

Мансуров. А вообще, Петрицкий любил подраться?

Ружьев. Достал его Паршин, летать не давал. Когда ты под кем-то, и кто-то тебя невзлюбил... Ты же видел, мы тут самолеты делаем. И тоже испытываем. Полетел – заработал. Не полетел – пролетел мимо денег. Достал...

Мансуров. Понятно... (*Выключает, включает фонарь.*) Батарейки садятся.

Ружьев. Жизнь уходит, чего батарейки... Ну, двинули дальше?

Мансуров. Сколько люков еще?

Ружьев. Мы еще половину облазили... (*Сдвигает крышку следующего люка, светит вниз.*) Темнотища, однако же, мрак!..

У1

Та же квартира, та же комната. Во главе стола гадалка баб Лина. Рядом Дочь, Фея, Бабуля. У Бабули голова перевязана платком. Нина Алексеевна Сидит понуро, в гадании, кажется, не участвует, в карты не глядит.

Баб Лина (*тасуя колоду и глядя на Нину*). Ну, что ли, на даму теперь?

Бабуля. На меня, пожалуйста!

Фея. Нет, на даму, баб Лина!

Бабуля. Феечка, я тоже женщина, к твоему сведению.

Фея. Все правильно, тетя Зоя, вы женщина, но вы – мать.

Бабуля. А мать уже не считается?

Фея. Считается как бы. Но мать это мать, а дама – это дама. Разные вещи. Понимаете?

Бабуля. Не понимаю. Не понимаю, почему мать – это мать?..

Дочь. Бабуля, потому что дама – это дама! Тебе, кажется, ясно сказано.

Бабуля. Не понимаю... Я не понимаю...

Баб Лина. Ночная кукушка дневную завсегда перекукует. Чего не понять.

Бабуля. Я не кукушка, я мать!

Баб Лина. Вот и сиди, и жди свое материнское время.

Бабуля. Я должна ждать? Я, мать, должна еще ждать? Но, помилуйте...

Баб Лина. Должна, должна. У меня тоже дети, я тоже сижу и жду. Не хочешь, чтобы тебя со свету раньше времени сжили – так сиди и жди. И будешь всем хорошая.

Бабуля. Скажите мне, где наш сыночек, я вас отблагодарю.

Дочь. Бабуля, ты со своими благодарностями – где надо и не надо, просто стыдно перед людьми.

Бабуля. Ты еще маленькая стыдить меня. Пожалуйста, не надо. Я тебе бабушка, а не кто-нибудь.

Дочь. Была бы ты мне посторонней – я бы молчала.

Фея. Вероника, прекрати.

Бабуля. А ты можешь молчать, как посторонняя.

Дочь. Если не я – тебе никто не скажет.

Фея. Вероника...

Дочь. А чего она, тетя Фея?

Фея. Не заводи ее, снова заводишь! Каждые две минуты то ты ее, то она тебя – прямо не можете...

Бабуля. С единственной бабушкой, как со школьницей...

Фея. Тетя Зоя, а вы тоже хороши: вы старше, вы умнее, вы больше понимаете, вы...

Бабуля. Я умнее, но она думает, что она умнее...

Баб Лина. Сейчас умных нет. Сейчас все хитрые. Даже которые умными были – тоже хитрыми сделались.

Бабуля. А я совершенно бесхитростная! Всем на удивление – хотите, верьте, хотите, нет.

Баб Лина. Это тебе только кажется так. Это ты забывчивая.

Бабуля. Как нехищная птичка, бесхитростная!

Дочь. Ой, тетя Фея, держите меня, я падаю!

Бабуля. Да! Да! А ты...

Фея. Вероника, закройся!..

Бабуля. ...А ты хоть и маленькая, но уже... Ты очень хитрая. Когда тебе от меня что-нибудь нужно, ты со мной ласковая и добрая, а как только ты получаешь... Ты и с отцом себя так же вела, я знаю. Он пресмыкался перед тобой, чтобы тебе угодить, и никак не мог...

Дочь. Удавлюсь, а больше ничего не попрошу.

Фея(Нине). Посмотрите на эту девушку!

Бабуля. Вот, видите, пожалуйста, в ответ на все мое добро!

Баб Лина. Не тронь сама – и тебя не тронут.

Бабуля. Кто их трогает?

Баб Лина. Если очень хочешь трогать – лучше чужого тронь, чем своего. Свой не простит.

Бабуля. Правда, правда... Ах, правда... И правда...

Баб Лина(Нине). Картам веришь?

Бабуля. Я верю!

Баб Лина. Не тебя спрашивают.

Фея. Нинэль!.. Да верит она, баб Лина. Все верят!

Баб Лина. Как-то она верит – я не поняла.

Фея. Да верит она, я вам говорю. Я ей про вас рассказывала, она вас уважает.

Баб Лина. Пускай глаза покажет, мне не видно.

Фея. Нинэль, покажи баб Лине глаза.

Нина Алексеевна не показывает глаз.

Дочь. Мамуля...

Фея. Подними ты глаза, от тебя не убудет.

Дочь. Тебя просят, мамуль...

Фея. Смешно же, ну, честное слово, Нинэль!

Бабуля. Она устала, бедненькая... *(С опаской приближается к невестке и легонько поглаживает плечо.)* Дорогая моя невестушка, она так переживает за моего бедненького сыночка, это так трогательно...

Дочь. Мамулю чем больше просишь – тем она упрямее. Когда мне от нее чего-нибудь надо, я делаю так, чтобы она сама попросила. Теть Фея, мои не пойдут?

Бабуля. Я вас умоляю: возьмите мои глаза!

Дочь. У нас с мамулей похожи, только разного цвета.

Бабуля. Не морочь людям головы, у тебя папкины глаза.

Фея. Баб Лина, а может... Вероникины подойдут?

Баб Лина. Карты просят дамовы глаза. Зачем я им стану подсовывать ребенкины, интересно...

Бабуля(Нине). Моя милая деточка, подними свои глазочки и покажи им всем, на что ты способна. Тебе же хочется, чтобы нашего мальчика нашли, да? Или не хочется? Тебе, может быть, без него лучше?

Фея. Ох, тетя Зоя, вы иногда тоже скажете...

Бабуля. А ей без него лучше. Я же вижу. Я знаю! Она при мне говорила ему, что он неинтересный человек. Мой сын – неинтересный!.. *(Членораздельно.)* Она очень интересная! Очень она – вот сейчас как сидит перед нами – она очень интересная!

Нина(резко встает). Какая вы... *(Уходит, не досказав.)*

Бабуля. Она над ним издевалась, а я... Я какая?.. А она какая?..

Тишина.

Дочь(встает). Ох, бабуля, я бы тебе сказала... *(Уходит.)*

Бабуля. Пожалуйста, я же и виновата...

Фея. Ну, вас... *(Уходит следом за Ниной и Дочерью.)*

Бабуля. Видите...

Баб Лина(разглядывает фотографию на стене). Это там что?

Бабуля. Это мой Женечка... Это он еще молодой... И смотрите, что она с ним сделала.

Баб Лина, опираясь на посох, приближается к фотографии и внимательно ее разглядывает. И Бабуля подходит и тоже разглядывает.

Баб Лина. Червонный король.

Бабуля. Да, да, да, он всегда был красивее ее. Явно прямо... Ну, прямо явно... Нос – глядите... А глаза? А брови? А подбородок? Вы видели где-нибудь у кого такой подбородок? Я, например, больше ни у кого не видела.

Баб Лина отступает на шаг, на два, не отрывая взгляда.

У вас дальнотзорность? Я спрашиваю, вы дальше видите лучше, чем ближе?

Баб Лина. Когда без дела гляжу – мне все равно. Вот когда надо, чтобы насквозь... *(Возвращается на свое место, раскладывает карты.)* И так погляжу я, и этак...

Бабуля*(присаживается рядышком)*. А вы умеете насквозь?.. То есть, видите все насквозь?

Баб Лина*(рассеянно)*. Насквозь...

Бабуля. Насквозь, и насквозь? То есть, то есть – сквозь все?..

Появляется Дочь, торопится на кухню, возвращается со стаканом воды, скрывается в спальне.

Баб Лина. Мертвым опять не получается.

Бабуля. Слава Богу! Слава Богу!

Баб Лина. И встреча им выпадает.

Бабуля*(в платочек)*. Я верю, я верю, что он живой!

Баб Лина. Живой – это точно.

Бабуля. Спасибо, родная, спасибо!

Баб Лина. Помогать ему надо. Когда помогаешь – полегче.

Бабуля. Все отдам!

Баб Лина. Ему верой надо помогать. Такого ему от тебя ничего не надо. Я в войну своего мужика верой спасала. Он сам мне потом говорил: чувствую, гибель приходит, а вспомню, как жена дома ждет, да дети ждут – так она от меня отходит. Верить надо, что вернется – тогда вернется.

Бабуля. Я и веру отдам, я согласна, пусть только вернется...

Баб Лина (*сосредоточенно разглядывая карты*). Вот чего не пойму – что его там держит...

Бабуля. Кто держит?

Баб Лина. Я вижу не кто – а другое...

Бабуля. Вы хотели сказать... может, другая?

Баб Лина. Другой – нет. Я говорю – другое.

Бабуля. Оно?..

Баб Лина. Чего – оно?..

Бабуля. Другое – кто? Оно – что?..

Баб Лина. Оно!.. Путаешь ты меня. Я с картами разговариваю. У нас разговор идет. Ты понимаешь, что такое разговор?

Бабуля. Да-да-да, разговаривайте, пожалуйста, я не буду...

Баб Лина. Нет у него другой. Где ты увидела другую?

Бабуля. Вы зря на меня кричите. Я только рада. Я совершенно против разводов. Это же так грустно, когда люди разводятся, я вам передать не могу. Я, например, не разводилась. Мой муж, слава Богу, погиб...

Баб Лина. Который раз карты раскладываю – и все у него там интерес какой-то: то ли денежный, то ли вещь какая. В общем, за прибылью мужчина печется.

Бабуля. Мой сын?..

Баб Лина. Червонный король.

Бабуля. Это на него так не похоже... Мой мальчик всегда был таким непрактичным, дух стяжательства и приобретательства ему глубоко чужд, это не его дух, проверьте свои карты, они что-то совсем не то...

Баб Лина. Всякая тварь себе выгоду ищет. Не на небе живет – значит, ищет.хлопоты у него.хлопоты, ясно?

Бабуля. Не знаю...

Баб Лина. Она-то его никуда не посылала? Жена-то?

Бабуля. Не знаю... Я же ничего не знаю...

Появляется Фея.

Фея. Что делать с этой дурой? Говорит, картам не верит. Баб Лина?

Баб Лина. Убей.

Фея. Баб Лин, я серьезно?

Бабуля(*вот такими возгласами открывают новые острова*). Феечка, Женечка жив!

Фея. Как жив?

Бабуля. Жив! Гадалочка нагадала. (*Баб Лине.*) Вы моя милая, вы моя славная, вы моя...

Фея. Она уже вам два часа твердит, что он жив, а вы как глухие.

Бабуля. Я, Феечка, верю, я верю... Ты такая родная, такая близкая, такая хорошая... Я тебе так благодарна за то, что ты нам достала эту бабушку... (*И гладит, и поглаживает баб Лину по спине.*) Ей цены нет! (*Баб Лине на ушко.*) Что мне для вас сделать?

Баб Лина. Мужа хочу. Молодого.

Бабуля(*смеется*). Нет, кроме шуток...

Баб Лина. Какие тут шулки...

Бабуля. Они сейчас все импотенты, зачем вам?

Фея. Кончайте, вы чо?

Бабуля. Это правда!

Фея. Вы чо!

Бабуля(*слезливо*). Ах, прости, да, прости... Ты такая родная, такая внимательная, такая отзывчивая... Я всем, всем-всем-всем я рассказываю, какая ты добрая, славная, какая хозяйка хорошая, как все умеешь ты делать, как тебе в личной жизни не везет... Но тебе повезет непременно, потому что я верю в тебя!

Фея(*с грустной улыбкой*). Ох, тетя Зоя, вы одна в этом городе остались, кто еще верит в мою личную жизнь...

Бабуля. Да, я верю! Я – несмотря ни на что! Ты такая – увидишь!.. Такая, такая...

Фея. Такая, такая, а мужа вы мне все никак не найдете.

Бабуля. Я ищу, я ищу, ты же знаешь...

Стремительно является Дочь.

Дочь. Надоело! Хватит! И папу вот так доводила!.. (*Скрывается.*)

Фея. Все психи... Опять... (*Уходит в спальню.*)

Дочь(*появляется с платьем в руках*). Я, оказывается, виновата, что у нее муж пропал!.. (*Уходит в прихожую.*)

И вот уже **Нина Алексеевна**, торопится следом за **Дочерью**. И вот уже обе в салоне. **Нина** удерживает, **Дочь** вырывается.

Пусти, не трогай меня!

Нина. Я тебя никуда не пущу...

Дочь. Ты меня изведешь! Меня, всех!..

Нина. Не пущу... не пущу, не пущу...

Дочь. Я вообще от тебя уйду, не удержишь!

Нина. Да, не сейчас, ну, пожалуйста?..

Фея. Что с вами, бабы? Да что, вдруг, случилось?

Дочь. Случилось!

Фея. Чего?

Дочь. Ничего!.. У меня, между прочим, как у нее!.. Тоже горе, как у нее!..

Фея (*зажимает уши*). Как кричит она, Господи-Господи...

Дочь. Теперь ты меня до смерти не простишь?

Проклянешь? До смерти? И не надо!.. И не пропаду!..

(*Скрывается.*)

Фея. Обе психи, серьезно...

Бабуля. Это уму непостижимо, как в этом доме обращаются с ребенком... (*Скрывается следом за ребенком.*)

Фея. Баб Лина... Нинэль, что случилось? Уже все было хорошо. Объясни мне, а то я умру от недопонимания. Давай, что ли, сядем. (*Усаживает Нину.*) Вот сядем и успокоимся... Ты не молчи... Объясни мне понятно... как очень близкой подруге: чего она взъелась? Чего ты не хочешь прощать, почему?..

Нина (*сквозь слезы*). В последний вечер... как он пропал...

Фея. Ну?

Нина. Он хотел остаться со мной... Его что-то мучило... Он хотел рассказать и просил ее, как человека...

Фея. Остаться с тобой хотел – и что дальше?

Нина. Позволь, просил, дочь, сегодня нам побыть вместе...

Фея. Тебе и ему?

Нина. Мне и ему, а она...

Фея. В первый раз про такое я слышу: мужчина хочет спать с женой, а дочь...

Нина. Папе было плохо.

Фея. Евгению?

Нина. Дедушке. Дедушка требовал, чтобы кто-нибудь спал с ним в его комнате...

Фея. Этот ваш дедушка, Нинка!..

Нина. Если бы она послушалась его, если бы ушла...

Дочь (*появляется, резко*). Мамуля, неправда! Да, мамочка, ложь! И ты знаешь прекрасно сама, ты сама говорила ему: ступай к деду, а я отдохну от твоего храпа!

Бабуля (*является следом*). Женечка – храпит?..

Нина. Я так сказала, когда ты нам обоим уже всю душу вымотала...

Дочь. Я бы видела, что вы по-настоящему хотите быть вместе – я бы ушла!

Бабуля. Женя храпит – невозможно...

Дочь. Но ему было все равно, и тебе было все равно – я поэтому, вот!..

Фея. Вероника, не смей!

Дочь. Чего мне не сметь?

Фея. Как ты можешь такое?..

Дочь. Для вас сейчас главное – кого-то обвинить! У самих кувыркком, а я виновата!..

Нина. Он бы, может, сказал мне о чем-то...

Дочь. Сказал? А если бы, вдруг, не сказал? А если ты сейчас все придумываешь?

Нина. Он хотел мне сказать о том, что его мучит...

Дочь. Это теперь никогда не кончится! Это теперь никогда...

Бабуля. Невозможно, невозможно... Женечка никогда не храпел...

Фея. Ах, оставьте, тетя Зоя. Все мужчины храпят, я в этом не вижу ничего смертельного. Я даже считаю: мужчина, если он настоящий, просто обязан храпеть.

Бабуля. В детстве, и потом, в более юношеском возрасте Женечка никогда не храпел.

Фея. Да храпел, не храпел, честное слово!.. Нинель? Вероника?

Появляется Дед. С улицы. Хмуро всех оглядывает.

Дядь Леша, здравствуйте!

Дед отворачивается. Не отвечает. Уходит к себе.

Что это он?.. Совсем, что ль, оглох?..

Бабуля. Феечка, не обращайтесь на него, пожалуйста, я, лично, давно не обращаю.

Фея. Да я тоже не обращаю, я просто...

Бабуля. Вот и не обращайтесь. Он старый, он глупый, он невоспитанный, он дерзкий, неинтеллигентный, он...

Баб Лина. Долго еще проживет.

Бабуля. Правда? Вы что же, умеете и это? Можете сказать? Совершенно определенно?

Баб Лина. Сама ты подумай: кто чего знает, чтобы говорить определенно? Мне 82 года, а я до сейчас определенно ничего такого не говорю. Карты – они вообще точно не говорят. Около... Я одному знакомому три года нагадала – он целых три с половиной протянул. На полгода перетянул.

Бабуля. Вы ему нагадали, что он умрет, и он, в самом деле...

Баб Лина. Нагадала, что крыша ему на голову упадет. И как он берегся, бедный, подумать... Дом был у него трехэтажный, кирпичный – так он его продал. Квартиру купил на втором этаже в небоскребе. Год прожил. Трещинку на потолке обнаружил – сбежал. Купил себе ульев, палатку – в горы помчался. Супруга его мне потом доложила: ветром однажды подуло, палатка упала – так он вообще под небом открытым жить стал. Никакой, вроде, крыши – ан нет... *(Усмехнулась фатально баб Лина.)* Судьба с ним управилась все равно: черепаха ему на голову свалилась.

Бабуля*(недоверчиво)*. Черепаха? С неба?..

Баб Лина. Именно, что с неба. Черепаха. Коршун над ним пролетал с черепахой. Нечаянно выронил – а она... прямо, как бомба. С самого неба. Черепаха, главное, живой осталась – а он... Вот, судьба!

Бабуля. Боже, что вы натворили...

Фея. Баб Лина у меня уникальная. Я без баб Лины шага в жизни не сделаю. *(Обнимает старушку.)* Вы моя гениальная! *(Нине.)* Пашу ты помнишь? Ну, Павла?.. Высокий, худющий, на шее кадык, на руках веснушки, коленками вперед ходил, ты еще спрашивала, что за походка у мужчины?

По виду Нины Алексеевны никак не скажешь, что она помнит Павла.

Ползарплаты он мне отдавал, неужели забыла? Один был такой, что мне отдавал ползарплаты... (*Баб Лине.*) Я к вам насчет Паши раз пять обращалась...

Баб Лина(*рассеянно*). Всех разве упомнишь...

Фея. Он тоже исчез... Тоже не попрощался... (*Заглядывает в карты.*) Что там, баб Лина? На что вы сейчас?

Баб Лина. Да вот гляжу, может, его тарелка забрала.

Фея. Ой, баб Лина, только не это!

Баб Лина. Я на дорогу разложила. Какая-то чересчур тут ему дальняя дорога...

Фея. Баб Лина, что угодно, только не тарелка! Мой Мустафа, подозреваю, тоже на тарелке! Лет пять, или шесть от него – ни слуху, ни духу...

Бабуля ураганом сметает карты со стола.

Теть Зоя, вы чо!..

Бабуля. Довольно, довольно, вы тут нагадаете, он действительно попадет на тарелку и потом оттуда не выберется!

Фея. Вероника, держи ее, ты же видишь!

Бабуля. Довольно, тому идиоту на голову черепаху кинули, я не позволю!..

Дочь(*пытается укротить родственницу*). Бабуля, бабуля...

Бабуля. Мы не за то вам такие деньги, чтобы вы Женечку, вдруг, на тарелку!..

Дочь. Бабуля!

Бабуля. ...Откуда возврата нет!..

Дочь. Бабуля, кончай!

Бабуля. Диверсантка!

Фея. Ой, что она говорит...

Бабуля. Я еще выясню, кто тебя к нам подослал, старая кочерга!

Фея. Остановите ее кто-нибудь...

Бабуля. И тебя, старая дева! И тебя, дрянь! (*Машет руками, пытаюсь достать Фею.*) Ух, подлая... Ух, какая ты подлая, подлая...

Звонят в квартиру.

Нина. Вера!..

Бабуля первой устремляется в прихожую. Следом за нею Нина и Фея. Следом Дочь. Появляется Дед. Он что-то жует. Хмуро глядит в коридор. Баб Лина невозмутимо раскладывает пасьянс. Доносится крик Нины: «Оставьте все меня!.. Никого не хочу видеть, никого!..»

Гаснет свет.

УП

Поздно вечером. Почти ночью.

Дед, вздыхая и покряхтывая, в нижнем белье, с чайником и граненым стаканом ходит по комнате. Достает из тумбочки флакон с лекарством, пересасывает в пипетку, после чего отсчитывает капли в стакан. Пьет, морщится. Прячет лекарство в тумбочку. Подходит к одной двери, прислушивается. Затем у другой. Укладывается на диване. Впрочем, тут же встает, чтобы погасить настольную лампу. Снова укладывается. Спустя мгновение свет снова загорается, он снова садится. Направляется к двери, тихо зовет: «Нина... Нина...» Не откликаются. Возвращается на диван, сидит, глядя в пол и качая головой.

Появляется Нина Алексеевна. Одета, словно и не ложилась. Вид усталый, заспанный. Впрочем, когда долго лежишь, уткнувшись лицом в полушку, в темноте...

Нина. Что?

Дед. Ты не спишь?

Нина. Нет.

Дед. Я тоже. Эх, дочка, дочка, убил он нас и зарезал...

Нина. Тебе плохо?

Дед. Ох-ох, сердце очень бьется...

Нина(*приближается, проверяет пульс*). Пульс у тебя нормальный.

Дед. Нормальный, какой нормальный. Без ножа зарезал.

Позор...

Нина(*устало*). Папа, ты же знаешь, как я люблю эти разговоры...

Дед. Да, я могу молчать, если ты хочешь.

Нина. Лучше молчи.

Дед. Да, я буду молчать: он плохой человек. Он исключительно плохой человек, если он мог так некрасиво по-хамски поступить с тобой и своей единственной дочерью.

Нина. Папа, ты... Как он поступил? О чем ты говоришь? Он пропал. Ему, может быть, очень плохо. Гораздо хуже, чем всем нам...

Дед. Хорошие люди не пропадают.

Нина. Разве это зависит, папа? А если машина? А если он в больнице без сознания? Мы же ничего не знаем...

Дед. Другой человек уже бы давно сообщил своей семье, где он и что с ним, в сознании, без сознания...

Нина. Если он без сознания – как он мог сообщить? Ты, наверное, не очень хорошо понимаешь, что я тебе говорю. У тебя, наверное, сейчас... Что ты на меня так смотришь?

Дед. Ты, дочка, оказывается, тоже очень неумный человек. Мне 83 года, и я знаю: если любить семью – можно найти способ.

Нина. Ну, значит... значит, как ты говоришь... По-твоему, он меня и Верочку не любил? Кого же он любил?

Дед. Я ничего такого не говорю.

Нина. Да ты говоришь.

Дед. Я, дочка, не о такой любви говорю.

Нина. Ты говоришь, он семью не любил.

Дед. Не любил.

Нина. Тогда тебе, может быть, известно, кого он любил? Может, ты скажешь тогда, чтобы я не мучилась?

Дед. Тебя он любил, он дочку любил, но это – что такое? Так все любят, даже звери. Я тебе объясняю: свою семью не любил. Когда семью любят – для семьи живут. Все несут в дом. Стараются, чтобы дома было хорошо, красиво, богато. Как у людей. Посмотри, муж у Марии Альбертовны...

Нина. У Марии Альбертовны муж – взяточник и коррупционер.

Дед. Кто сказал? Кто его поймал?

Нина. Ты знаешь, что он вор, и не надо мне сейчас...

Дед. Конечно, ты ей завидуешь, что твой не такой...

Нина. Мы другие, папа. Ты понимаешь слово – другие?

Дед. Я ему сколько раз говорил: идем, поговорим с одним человеком, он тебя возьмет, будешь иметь в три раза

побольше. Он же не хотел. Он же не соглашался. Он же упрямый был, как лошак. Умные же люди такими упрямыми не бывают. Он же был дурак.

Нина. Он не дурак был, папа, он не дурак!.. Не хотел – это другое!..

Дед. Исключительно не хотел жить для семьи.

Нина. Хотел – не хотел, папа... Как я устала...

Дед. Ты устала. Чересчур потому что плачешь о нем. Из-за такого человека – не надо. Немножко – можно. Для людей. Чтобы сказали: хорошая жена, переживает из-за мужа. Но ты же, как ненормальная. Ты плачешь и днем, и ночью, когда никто не видит.

Нина(*глаза наполняются слезами*). Я не могу, папа, я не могу...

Дед. Если бы тебе было восемьдесят – ладно, можно плакать. В восемьдесят лет замуж трудно. Хороших людей в этом возрасте мало. А в твои годы...

Нина. Как мы будем жить, если он не вернется? Как мы будем жить без него, папа?..

Дед. Жить, жить... Будем жить. Как все живут.

Нина. Верочка еще ребенок, я уже старуха...

Дед. Ох-ох, было бы мне сорок лет.

Нина. Такого больше не будет, папа...

Дед. Э, что ты с ним видела? Квартира не его – наша. Мебель я вам на свадьбу подарил. Книжки он тебе накопил? Телевизор? Компьютер? Что он для тебя сделал, ты с ним столько лет прожила? Еще дочь родила. И еще ухаживала за ним.

Нина. За что мне такое горе? Почему я?..

Дед. И пропал. И о себе не сообщил. Все не как у людей. Как у лошаков.

Появляется Бабуля в ночной рубашке, щурится на свету.

Бабуля. Ой, здесь мужчины, простите, я не одета...

(*Уплывает в прихожую*).

Дед. И мать дрянь, и сын такой же. Вся семья дрянская. Отняла у меня комнату, а я, старый человек, должен спать, где попало...

Нина. Пойди на мою постель. Я все равно не сплю.

Дед. У тебя матрац жесткий.

Нина. Я тебе сверху еще чего-нибудь постелю.

Дед. А почему ее не приглашаешь? Лучше ее пригласи, а я пойду на свою кровать.

Нина. Папа, я не могу. У меня просто нет сил с нею... Ну, пожалуйста? Женя вернется – она уйдет...

Дед. Ах, собака... Пускай ей приснится кость и она ею подавится, сколько я из-за нее терплю.

Возвращается Бабуля.

Бабуля. Кто подавится? Ой, не смотрите на меня, я не одета...

Дед(отворачивается). Собака.

Бабуля. Какой ужас... И вам не жалко бедную собачку?

Дед. Идите спать. Отняли кровать – спите. Много не болтайте.

Бабуля. А вы?

Дед. А я не болтаю, где не надо.

Бабуля. Ой-ой, не смотрите!..

Дед(отворачивается). Идите спать. За нас не волнуйтесь. Думайте о себе.

Бабуля. Я никогда не была эгоисткой, я всегда жила для людей.

Дед. Очень вы живете. Вы живете, я вижу...

Бабуля. Не поворачивайтесь, этакий вы проказник!

Дед. Не дай Бог, чтобы все так жили, как вы живете.

Бабуля. А что, меня любят и уважают все посторонние. У своих почему-то не заслужила...

Нина быстро уходит в спальню.

Дед. За что вас любить, такую дрянскую мать?

Бабуля. Нет, вы только посмотрите на этого старого идиота.

Дед. Вы же не мать. Вместо того, чтобы сказать ему: если женился уже, сынок – так живи, вы ему мешали.

Бабуля. Я мешала?

Дед. Да, вы, никто другой. От вас, кроме вреда, ничего не было. Вредительница. Самая настоящая.

Бабуля(демонстративно распахивает дверь в спальню). Ниночка! Что он такое говорит! Я своими руками женила его! Благословила на этот ужасный брак, а теперь он меня же...

Сонный голос Дочери: «Ну, бабуля!..»

Нина(является). Идите немедленно к себе, или я...

Бабуля. Ниночка, детка, ты видела, я... (Осекается, вдруг, увидев лицо **Нины**.) Я... Спокойной всем ночи... (Робко, бочком скрывается в своей комнате.)

Нина гасит люстру, но тут же включается настольная лампа.

Дед(кряхтя, усаживается). Дочка, я с тобой хочу поговорить.

Нина. Папа, час ночи...

Дед. Я не могу спать, дочка. Во мне все кипит. Время сейчас не играет роли. Иди сюда. Иди ко мне...

Нина Алексеевна приближается.

Надо подумать о будущем. Дочка, жизнь не стоит, надо жить дальше.

Нина. Как?

Дед. Чтобы было еще лучше. Человек так устроен: хуже он не хочет. Хочет, чтобы лучше. Ты должна лучше. Мне бы очень хотелось, чтобы я умер, а тебе было хорошо. А то мне там будет плохо. А я должен знать, что тебе хорошо.

Нина. Хорошо...

Дед. Есть один человек, дочка. Исключительно то, что нужно.

Возникает Бабуля.

Нина. Что нужно?..

Дед. Человек нужен. Тебе. Ты его не знаешь, сразу не говори: нет. Меня с ним познакомил Арсений Овсеевич.

Нина. Какой Арсений Овсеевич?..

Дед. Тоже очень хороший человек, ты его тоже не знаешь. Он занимается этими делами... Мусор возит, короче... В

золоте купается... Бизнесмен! Двое, правда, детей, но я думаю – ничего... Ты тоже не девочка, дочь... Я ему твою фотографию показал, где ты после института. А, пускай, чтобы больше хотел. Когда захочешь – мы к нему пойдем. А, пойдем?

Нина. Ты специально за этим весь день...

Дед. Исключительно хороший человек!

Нина. Но, папа...

Дед. Исключительно тебе с ним будет хорошо!

Нина. Я же замужем...

Дед. Потом, как захочешь, он подождет... Он согласен. Только, недолго, сказал. Пока у тебя горе.

Нина. Ты меня слышишь?

Дед. Я слышу.

Нина. Не слышишь. Я говорю – ты... Я замужем, папа. Ты понимаешь, что я замужем, что у меня муж?

Дед. Дочка, это исключительно хороший человек!

Нина. Ты даже сейчас не хочешь меня пощадить. *(Уходит.)*

И Бабуля, подобно видению, исчезает. И Дед, бормоча: «ох, дочка, дочка...» встает и, цепляясь руками за мебель, пробирается к двери в спальню, открывает и слабо зовет: «Нина... Нина...» Нина захлопывает дверь у его носа. Он отшатывается. В раздумье. Возвращается к дивану, медленно оседает. Гасит настольную лампу. Внезапно распахивается дверь, в полосе света – Бабуля.

Бабуля. Я все слышала... Ах, негодяи... вы все негодяи... Я не позволю... Люди негодяи... *(Уходит в прихожую, слышно, она возится замками, наконец, все стихает.)*

Дед. Ох-ох... *(Диван застонал.)* Нина... *(Включил настольную лампу, попытался подняться – не вышло.)* Нина... Нина... *(Достал флакон с каплями.)*

Из прихожей доносится нечленораздельное бормотание. Появляется Манечкин.

Манечкин. А, дедушка... *(Кому-то в коридор.)* Иди, заходи сюда. *(Старику.)* Добрый вечер... Вы как бы, папаша, извините... Мы тут вошли сами, в общем..

Появляется **Паршин**. **Дед** принимает лекарство.

Это что у вас, папаша, двери по ночам нараспашку?

Дед, не мигая, разглядывает ночных гостей.

Мы товарищи как бы... (**Паршину**.) Глухой, что ли, дед?

Паршин. Старый.

Манечкин. Старый – я вижу, что не молодой. Туда мы попали-то?

Паршин. Туда. Тесть.

Манечкин. А, вот и Евгений, узнаю... (Замечает большой портрет пропавшего на стене.) Да, да, да, да... (Приближается к **Деду** и громко.) Дедусь, мы с завода! Товарищи как бы! Слышь? Мы пришли, говорю, товарищи мы!.. (Тычет в портрет пальцем.) Его мы, его!..

Дед, кряхтя, укладывается и отворачивается лицом к стене.

Чего это он? Совсем не слышит?

Появляется **Нина Алексеевна**.
Тишина.

Паршин. Нина, здравствуй.

Манечки(**Паршину**). Нина Алексеевна? Жена?

Нина. Что случилось?

Манечкин. А-а, ничего... Мы только тут как бы... Я тут как бы орал... Извините, я думал дедуся глухой... Я Манечкин. Мирон Петрович. Товарищ, одним словом. Начальник, короче. (**Паршину**.) Ты меня представь.

Паршин. Манечкин. Мирон Петрович.

Манечкин. Очень приятно. Сердечно рад. (Протягивает было руку, но тут же ее и опускает.)

Нина(**Паршину**). Ты постарел.

Паршин молчит.

Манечкин. Вот, значит, вот... Вот, говорю, при каких обстоятельствах знакомимся. (**Паршину**.) Верно? (Оглядывает

жилище.) Ничего живете... нормально... Эта дверь идет... Туда дверь, туда... что, на кухню? А санузел у вас как, совмещенный? (Ждет ответа.) Ну-ну, разделенный?..

Паршин. В квартирах этого типа, по-моему, отдельные.

Манечкин. Да? Интересно. А чем же тогда этот тип отличается от того типа, где я живу?

Паршин. Расположением, я думаю.

Манечкин. Расположением, верно... Подумай, как интересно... Вы извините, если вам кажется, что мы поздно. Но вот только, понимаете, от дел освободились. Геннадий говорит: куда, мол, за полночь, поздно уже. А я ему говорю: жена сейчас в такой позиции, что, наверное, плачет. Верно? Короче, надо утешить, говорю. Чтобы как у людей было. Да. Невзирая на ночь.

Нина Алексеевна молчит.

Мы сначала хотели всем цехом приехать. Но я потом передумал. Лучше будет, подумал, в гуманном как бы смысле, если мы по очереди станем семьей навещать. Составим в цеху прямо график и так: сегодня один, завтра еще один, послезавтра еще кто найдется. Вы будете так почаще испытывать как бы нашу моральную поддержку. Вот так. Короче, Нина Алексеевна, одинокой себя чувствовать не будете. Не дадим. (*Паршину.*) Где конфеты?

Паршин. У меня.

Манечкин. Отдай, чего стоишь?

Паршин протягивает Нине коробку конфет – она не берет.

Дай сюда. (*Отбирает у Паршина коробку, засовывает Нине под мышку.*)

Нина Алексеевна роняет коробку на пол. Паршин поднимает, кладет на стол.

Ничего... не стекло... конфетки не бьются...

Паршин. Нина, если тебе еще что-нибудь надо...

Манечкин. Да, насчет этого по-простому: если надо – мы можем. Конечно, в разумных пределах, но можем. Если надо, конечно.

Нина(*тихо*). Найдите мне мужа.

Манечкин. Мужа? Мужа мы ищем. Это мы найдем, это вы не беспокойтесь. Живого или, как говорится, мертвого. Пропасть не дадим. Вот вы верьте, Нина Алексеевна: я тоже переживаю. То есть, ночей – видите – не сплю. Или сплю, но понимаю, что сплю и одновременно переживаю, что у меня человек там пропал. Геннадий тоже вот... Верно, Геннадий?

Паршин. Да.

Манечкин. Все страдают. Все ничего понять не могут и поэтому как бы...

Нина. Вы его погубили.

Манечкин. Кого?..

Нина. Он.

Манечкин. Нина Алексеевна, минуточку, вы неправы...

Нина. За что? Почему?

Манечкин. Вы мне позвольте, Нина Алексеевна...

Нина. Разве где-то написано, что один человек может уничтожать другого?

Манечкин. Не может! Уничтожать не может!

Нина. Он его уничтожал! Всегда!

Манечкин. Нина Алексеевна, мы понимаем, у вас сейчас чувства...

Нина. У него что-то не получалось в последнее время, и вместо того, чтобы помочь, он...

Манечкин. Не получалось – бывает, никто из-за этого не пропадает, Мало чего у меня не получается, у него не получается – мы же не пропадаем? (*Паршину.*) Что, верно?

Нина. Вы вечные, вы не пропадете!

Манечкин. Вот зря вы так: как раз вечные скорее не выдерживают.

Паршин. Нина, прости, но ты зря...

Нина. В последние дни он был сам не свой. Что у вас там стряслось? Что вы с ним сделали?

Паршин. Ничего с ним не делали, зря...

Нина. Зря?

Манечкин. Зря, зря, зря, зря, зря...

Нина. Вы его унижали... Его, ведущего специалиста, как мальчишку, и вы... Ничего у вас не болит?

Паршин. Нина, нелепо, ты вдумайся...

Манечкин. У меня болит, Нина Алексеевна, но не в том смысле, как вы думаете.

Паршин. Пойми, ты нас обвиняешь...

Нина. Тебя обвиняю!

Манечкин. Меня?..

Жена(Паршину). Ты с ним счета сводил!

Паршин. Мирон Петрович, я вам говорил.

Нина. Ты завидовал ему.

Манечкин. Деликатными будем, деликатными!

Нина. Ты выдавливал из него жизнь – день за днем...

Паршин. Это работа, Нина, понимаешь? Сроки, план, производство!

Нина. Можно по-человечески!

Паршин. Не всегда!

Нина. Можно!

Паршин. Я к нему относился не хуже, чем к другим!

Манечкин. Нормально он к нему относился, Нина Алексеевна!

Нина. Когда-то он боготворил тебя, помнишь?

Паршин. Это было давно.

Нина. Но ты помнишь?

Паршин. Я его тоже любил.

Нина. Так не любят!

Заспанный голос Дочери: «Мама!»

Ты же предал его, неужели не чувствуешь?

Голос Дочери: «Ма-ам! Ну, ма-ам!»

Господи, маленький человек... маленький человек...

Манечкин. Кто маленький?

Нина(Паршину). Ты маленький!

Паршин. Я маленький?

Манечкин. Он маленький?

Паршин. Я не маленький.

Нина. Маленький, ничтожество...

Паршин. Я ему не завидовал, это ты – нет...

Нина. Завидовал.

Паршин. В чем?

Нина. Я тебя ненавижу...

Паршин. Не мешай, дай сказать, в чем зависть? Я хочу понять – я меньше умел? Знал? Делал? Или меня начальство меньше ценило? Или квартира у меня, или... В чем я обделен? Чего у меня меньше? Он мне завидовал – ты! Если хочешь знать – ты! Ты! Потому что, когда появилась ты...

Дочь с другой стороны с силой захлопывает дверь.

Манечкин(шепотом). Это кто там еще?..

Нина. Его любили, тебя – не любили!

Паршин. Его? Его! А знаешь ты – кто?..

Манечкин. Геннадий, угомонись, что ты...

Паршин. Те, кто меня ненавидел! Кому я поперек горла! Кто не хочет работать, как надо!.. Легко быть любимым, когда ни за что не отвечаешь! Плевать я хотел на такую любовь!

Манечкин. Геннадий!

Паршин. Со всеми добреньким – это дешевая любовь, и я в ней не участвую!

Манечкин(хватает Паршина под локоть). Еще одно слово – и я тебе больше никто! Ты не видишь?

Паршин. Вы знаете обо мне все! Я, как все, работаю!

Манечкин. Работаешь.

Паршин. Даже когда не хочу – я себя ломаю! Мне противно – я терплю! Вот вы мне противны – а я вас терплю!

Манечкин. И терпи, и правильно делаешь!

Паршин. Правильно, да, хорошо? Тогда почему я все это обязан выносить? Они смотрят – как будто бы я!.. Я его умертвил!..

Манечкин. Кто смотрит?

Паршин. Смотрят!

Манечкин. Ты мне скажи – кто? Приведи в кабинет, покажи...

Паршин. Не могу, надоело, хоть пропадай!..

Манечкин. Понял, довольно, ступай в машину.

Паршин. Сегодня подходит ко мне Ружьев, говорит: ты во всем виноват! В чем я виноват? В чем я виноват??

Манечкин. Забудь. (*Силком подталкивает Паршина к выходу.*) В машину иди, подожди... Упираться не надо, уволю... Вот никогда не видел тебя таким!.. (*Возвращается один.*) Вот разошелся, ух, ты... Прямо, прямо... А вы... вы тоже, скажу, Нина Алексеевна... Маленький человек... Маленький, ну и что? Бывает... Зачем же в глаза? Он сам про себя знает, ему и так неприятно... А так вы его как бы дополнительно помоями...

Нина. С кем он дружил, кого любил... Боже, как глупо...

Манечкин. Так у него жизнь сложилась, если он маленьким остался... Ну, и дурак, конечно...

Нина. Где он может быть?

Манечкин. В машине внизу сидит.

Нина. В машине?..

Манечкин. В машине. А что?

Нина. Кто?..

Манечкин. Геннадий. Паршин. Маленький человек.

Нина. Так очень жестоко... Так не должно быть... Что-то я должна знать... Так не исчезают...

Манечкин. Так, конечно, оно...

Нина. Что-то остается... Так не бывает, чтобы ничего...

Манечкин. Да вы бы, Нина Алексеевна... Он, может, в такой позиции сейчас, что от него как бы и не зависит...

Нина. Долго я так не вынесу...

Манечкин. Вы бы в руки себя... Мы вам тоже поможем... Коллектив там, общественность... Одной вам – конечно, а вместе мы... Сколько мы сможем – столько и сделаем. Для вас. Это я вам говорю, как лицо... Вот завтра с утра, например, поедем труп один опознавать. Мне пару часов назад позвонили, говорят, кого-то из речки выловили. Может, Евгения, а?.. (*Словно спохватывается, глянув на нее.*) Ну, только не надо вам так беспокоиться, может, еще и не он... Народу-то тонет!.. Их даже вытаскивать не успевают... Не надо, сказал же, не надо вам так... Ну, будет, ну все... Так, давайте, договоримся: я буду вас в курсе держать. Относительно своих шагов. А вы меня это... относительно своих... Ну, все, побежал... вы держитесь... (*Уходит.*)

Тишина.

Стонет старый диван. **Дед** садится, смотрит на дочь.

Нина(шепчет). Стойте... постойте, пожалуйста... (Торопится следом за **Манечкиным**.)

Дед встает. Цепляясь руками за мебель и стены, пробирается к двери, ведущей в прихожую. Смотрит туда, в темноту. Гасит свет. В темноте пробирается к своему спальному месту. На что-то натывается, что-то обрушивается. Голос Деда в ночи: «**Верочка, Вера... Помоги мне, Вера...**»

УШ

Та же квартира. Светает. **Дочь** спит за столом, уронив голову на руки. Появляется **Нина Алексеевна**. Включает свет.

Дочь(ее как подбрасывает). Мама!

Нина(испуганно). Вера!

Дочь(кидается к матери). Мамочка! (Обнимает ее и плачет.)

Нина. Верочка! (И плачет вместе с дочерью.)

Дочь. Мамочка, мама.... Мамуля...

Нина. Верочка...

Дочь. Где ты была? Я уже думала, если с тобой... Мамочка, если с тобой...

Нина. Я с тобой...

Дочь. Я проснулась – тебя нет, я так испугалась... Я же ничего не понимаю, мама...

Нина. Я тебя обидела, ты меня прости...

Дочь. Прости меня, мамочка, ты меня прости...

Нина. Я тебя обидела, тебе больно...

Дочь. Я никогда не хочу тебе делать больно, а всегда делаю...

Нина. Ты у меня еще маленькая, еще не понимаешь, а я взрослая, а веду себя...

Дочь. Я все понимаю, я не маленькая. Я даже понимаю, когда не то говорю, не то делаю, и виновата, но я... Меня как будто несет, и я как будто несусь, и с собой ничего... Ты меня прости, ты прости... Тебе нехорошо?

Нина. Ах, Вера...

Дочь. Мамуля, присядь... (*Бережно усаживает мать.*) Посиди так немного... хорошая моя мама... моя самая лучшая на свете мама... Тебя сейчас не было – я думала: без папы плохо, но я бы без папы смогла. А без тебя...

Нина Алексеевна качает головой.

Правда, честное слово, я не придумываю.

Нина. Даже слушать об этом...

Дочь. Я только тебе...

Нина. Не должна...

Дочь. Почему? Ты же, наверно, хотела сама, чтобы ты была мне дороже, чем он?

Нина. Я не хотела.

Дочь. Не хотела, но ведь и хотела? Каждому охота, чтобы его любили больше других?

Нина. Вера, послушай меня, ах, послушай: мы обе должны его любить... Очень любить... Именно сейчас, как никогда... Он должен чувствовать, что мы его любим, что мы его очень ждем – что очень, понимаешь?

Дочь. Понимаю, я только не понимаю, а если он, вдруг...

Нина. Я бы уже знала. Я бы почувствовала.

Дочь. Мамочка, знаешь...

Нина. Я чувствую, что он живой, я это знаю.

Дочь. И я не могу поверить, что с папкой...

Нина(быстро). И ты? Правда – ты?..

Дочь. Он меня так любил, он тебя так любил, эту жизнь!

Нина. Я тоже не верю!

Дочь. Я тоже!..

Мать и Дочь плачут, обнявшись, вдвоем.

Мамуль...

Нина. А...

Дочь. Куда ты уехала без меня?

Нина. На опознание...

Дочь. Одна?

Нина. Не хотела тебя будить. Прости...

Дочь. Обязательно было ночью?

Нина. Я бы до утра не дожидая. Знала, что это не он, только хотела еще убедиться. Не знаю... Я так собой владела, они даже все удивлялись.

Дочь. Странно все это...

Нина. Да... Очень...

Дочь. Мам, а где? Я все ломаю голову, где он может быть, и все никак... А ты?

Нина. Мне кажется, он где-то близко... и как будто за нами наблюдает...

Дочь. Ты так чувствуешь?

Нина Алексеевна молчит.

Я потому что ничего не чувствую. Только знаю, что его нет. И только думаю про себя: а где он? И что делает? И где спит? И как вообще существует?..

Нина(задумчиво). Может быть, ему так надо.

Дочь. Надо? Может, он думает, что мы железные?

Нина. Хочет убедиться... что мы его любим...

Дочь. Любим?

Нина. В последнее время ему почему-то казалось, что он никому не нужен. Я понять не могла, с чего ему в голову лезло такое... Я ему говорила: ты мне нужен.

Дочь. И мне.

Нина. И Верочке нужен.

Дочь. Конечно. Станные разговоры вы вели: да кому же не нужен отец? В наше время особенно без отца...

Нина. И на работе, он мне говорил, чувствует, не так нужен, как прежде...

Дочь. Ему, наверно, как мне: иногда вот мне тоже чего-то такое кажется, а потом все оказывается не так... Мам, ты слышишь меня? Я себя вдруг поймала, что думала о нем сейчас, как о постороннем человеке. Не как об отце... И было мне вдруг интересно... Захотелось чего-то узнать про этого человека... Понять...

Нина. Мне тоже...

Дочь. Это так странно... Что же с нами такое случается? Как это вдруг происходит, что я перестаю быть собой?.. Такой, какой меня все знают, и я себя знаю?.. И все, что мое, и вся я

вообще – все теряет вдруг смысл и становится ненужным, перестает существовать?..

Нина. Не бай Бог, о чем ты говоришь?

Дочь. Я не только о себе...

Нина(резко встает). Не надо так говорить! И думать не надо!
(Хватается за сумочку.)

Дочь(быстро). Сердечные?

Нина Алексеевна что-то лихорадочно ищет, теряет терпение, вытряхивает содержимое сумочки на стол – и вдруг, как цепенеет.

Что? Что стряслось? Мамуля, не молчи...

Нина. Кольцо...

Дочь. Что кольцо?..

Нина. Его...

Дочь. Это папкино?..

Нина Алексеевна медленно оседает на стул.

Дай-ка... (Разглядывает кольцо на свету.) А ты разве не знала, что оно у тебя?.. Это получается, он... подкинул тебе?.. (Смотрит на мать.) Ты думаешь, он нас бросил?.. Поэтому подкинул, да?.. Но он же... не мог, нет?.. Он же нас... любил, нет?..

Нина. Где папа?

Дочь. Папа?..

Нина. Дедушка.

Дочь. У себя... Я его уложила, он сразу захрапел...

Нина. Я поеду к Мансурову.... Надо ему про кольцо, может быть, это важно... Боже мой, Верочка, ты в это веришь?

Дочь. Во что верю? В то, что он бросил нас? Нет. Ты сейчас говоришь про совсем другого человека. Ты даже сама не понимаешь, что ты говоришь.

Нина. Что значит это кольцо?

Дочь. Оно значит...

Нина. Пойду...

Дочь. Подожди...

Нина. Я уже не могу, я должна что-то делать, куда-то идти...

Дочь. Я с тобой.

Нина. Нет, ты здесь... Он придет, никого не застанет, ему будет плохо...

Дочь. А ты?

Нина. Встреть, встреть отца, встреть... (*Уходит.*)

*Дочь, было, порывается побежать следом за матерью, но возвращается. Идет к окну, раздергивает шторы – утро в полном разгаре. Перегибается через подоконник и кричит: «Мамочка! Мама!..» и машет рукой. Отходит. Мгновение потерянно стоит. Опускается на стул и внезапно совсем по-бабьи рыдает. И так же внезапно вскакивает, словно испугавшись самое себя. Вслушивается. Громко врубает цветомузыку. Теперь можно плакать. Теперь не услышат... Появляется **Петрицкий**. В летной куртке. Точь-в-точь, как на большой фотографии на стене. Вера его не видит. Он стоит и смотрит на дочь. Кажется, улыбается. **Вера** вдруг оборачивается – видит отца...*